

УДК 93

DOI 10.25629/НС.2022.04.24

ФИНСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ

Норенкова И.Д.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье анализируется место приезжих финляндцев в структуре столичного Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века. Такое положение выходцев из Великого княжества Финляндского показано на примере различных финляндских предприятий столицы: механических заводов, транспортных компаний, мелкой торговли и сферы бытовых услуг. Финляндские компании занимали определенную нишу в экономической и бытовой жизни столицы, удовлетворяя растущий спрос жителей на разнообразные товары и услуги. При этом предприятия не были нацелены только на финское население, они ориентировались на нужды всех петербуржцев – например, «Общество финляндского легкого пароходства» ежедневно перевозило сотни и даже тысячи жителей города, независимо от их национальности. В исследовании также уделено внимание финляндским обществам Петербурга, которые основывали жизненный уклад приезжих: обществам трезвости, благотворительным обществам при лютеранском финском приходе и спортивным кружкам. Именно спорт в начале XX века открыл новый этап в русско-финских отношениях, где финляндцы стали восприниматься самостоятельной нацией. Примечательно, что спортивные объединения финляндцев не воспринимались в столице чужими – они являлись организаторами общих соревнований, тем самым внося вклад в развитие городского спорта.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, финляндцы, городское сообщество, русско-финские отношения.

Введение

В жизни многонационального Санкт-Петербурга XIX века особое место занимали выходцы из Великого княжества Финляндского (ВКФ), которые сильнее других ощущали притяжение столичного мегаполиса по причине географической близости [20, с. 31]. Тесные связи Петербурга с финноязычным населением обозначились в начале XVIII века, а особенно набрали силу во второй половине XIX века – во время роста промышленности, развития транспорта и улучшения общего уровня жизни имперской столицы. Все эти факторы сделали Петербург еще более привлекательным для жителей Финляндии, куда они стали охотнее переезжать работать и получать образование, нежели чем в Выборг или Гельсингфорс.

Усиление миграционных процессов последней трети XIX века повлекло увеличение притока финляндцев, тем самым сделав возможным развитие Санкт-Петербурга в качестве «второго финского города» после столицы ВКФ Гельсингфорса [54, с. 144]. Эти процессы позволяют поставить вопрос о значении столицы империи для приезжих финляндцев и их места в структуре миллионного города. При этом основное внимание в работе будет уделено предприятиям и обществам Петербурга, которые были основаны выходцами из Финляндии. Рассмотрение таких предприятий сможет показать контакт финляндцев с разнообразными социальными группами Петербурга рубежа XIX – XX веков: властями, другими предпринимателями, а также жителями города. Анализ финских общественных объединений в свою очередь представит характер локального городского сообщества (финляндцев) и его попытки приспособления своих социокультурных практик в новом окружении. Основывая такие объединения при переезде, «иммигрантские группы» снова могли рассматривать себя в рамках своего этноса [43, с. 94].

Численность и статус финляндцев

При изучении положения выходцев из ВКФ в составе Петербурга некоторую сложность составляет определение их численности и статуса. Количество финляндцев, проживавших в Петербурге и его окрестностях на рубеже XIX – XX веков, исчислялась по-разному. По петербургской переписи населения за 1900 г., в Санкт-Петербурге и пригородах проживала 21 тысяча финляндских уроженцев с семьями [37, с. 44–45]. При этом лиц, считавших финский своим **родным** языком, насчитывалось около 18,5 тысяч, что составляло 1,3% от общего населения столицы [37, с. 52–53]. Оставшаяся часть уроженцев ВКФ могла считать своим родным языком русский или шведский (4,2 тысячи), из которых последний особенно был распространен в Финляндии и долгое время имел статус официального языка. Другие количественные данные приводит обозреватель газеты «Петербургский листок», по ощущениям которого число проживающих в Петербурге финляндских уроженцев постоянно увеличивалось и достигло крупной цифры «в 70 тысяч с лишком человек» [30].

Такая неточность исчисления приезжих может быть связана с тем, что в документах не фиксировались приезжавшие на несколько дней на заработки или в гости. Кроме того, жители столицы часто путали иностранцев между собой. Например, об этом упоминает художник Александр Бенуа в своих воспоминаниях: директора частной гимназии Карла Ивановича Мая ученики по происхождению считали «скандинавом» – не то шведом, не то датчанином, с виду он походил на финна, на чухонца, но на самом деле был чистокровным немцем [1, с. 477]. Даже если придерживаться официальной статистики о численности финляндцев (21 тысяча), то их количество все равно было ощутимым для Петербурга, так как выходцы из ВКФ занимали третье место в составе населения города, уступая немцам (48 тысяч) и полякам (45 тысяч).

Что касается статуса, то официально приезжих из Финляндии не определяли в качестве иностранцев. Так, при приезде в столицу необходимо было предъявить паспорт для прописки и внести плату в пользу города по званию лица: 40 копеек для лиц привилегированного сословия русских и иностранцев, 20 копеек – за прописку непривилегированных лиц, в том числе уроженцев Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Эстляндии и Лифляндии [22, с. 4]. В переписях по Санкт-Петербургу финляндские уроженцы также были представлены отдельно от прочих иностранных подданных [36, с. 45; 37, с. 45]. Уникальный статус финляндцев объясняется тем, что они являлись подданными Великого княжества Финляндского, которое на особых правах входило в состав Российской империи. Проживая на территории Петербурга, финляндцы оставались гражданами Финляндии и взаимодействовали с российскими властями через финляндскую паспортную экспедицию, которая выступала в роли своеобразного представительства их родины. По мнению историка Н.В. Юхнёвой, в Российской империи приезжие из Финляндии обладали статусом «полуиностранцев» [55, с. 27].

Предприятия

Финляндские предприятия в Петербурге XIX – XX веков представляли разнообразные сферы: пошив одежды, ювелирное дело, транспортные перевозки, механические заводы, строительство торговых и военных кораблей и многое другое.

Одним из самых известных финляндских предприятий города, с которым сталкивались многие петербуржцы, было «Финляндское пароходное общество». Перевозки по воде в конце XIX века все еще оставались основным средством перемещения по городу, так как наземная транспортная сеть еще не была достаточно развита. В то время среди основных перевозчиков по Неве и каналам современниками упоминались два конкурирующих предприятия: «Общество легкого финляндского пароходства», одним из основателей которого был шведоязычный финн Рафаэль фон Гаартман (Naartman), и пароходы купца Шитова [23, с. 5; 21, с. 15]. Примечательно, что финские пароходы ассоциировались у жителей города с энергичностью и предприимчивостью, а пароходы купца Шитова слыли не очень хорошей транспортной компанией: «Пароходы Шитова были сильно изношены, эксплуатация их сопровождалась с риском. Был несчастный случай, когда перевозной пароход с Охты на Калашниковскую набережную во время ледохода получил пробоину и затонул, причем погибли пассажиры» [31, с. 212].

История финских перевозок началась в 1872 – 1873 годах, когда Рафаэль фон Гаартман приобрел два парохода, которые начали курсировать по маршруту Васильевский остров – Сенатская (Петровская) площадь – Летний сад – Финляндский вокзал. Со временем количество судов увеличивалось, а маршруты расширялись – к 1890 году «Финляндское пароходство» курсировало по 12 линиям, включая Неву, Фонтанку, петербургские каналы, а также Каменный, Крестовский, Елагин острова и Новую Деревню [25, с. 113]. Пароходики носили названия по порядку их изготовления: «Первый», «Второй» и т.д., по оценкам современников, были небольшими (вмещали от 70 до 150 человек) и имели свой отличительный синий цвет. Поездки стоили: две копейки за поперечные рейсы, десять копеек – за продольные (от 13-й линии Васильевского острова до Финляндского вокзала и от Летнего сада на Острова), пять копеек – по реке Фонтанке. После оплаты каждый пассажир проходил через контрольный турникет [38, с. 37].

На пароходах «Финляндского общества» команда состояла обычно из финнов, сдававших особый экзамен при управлении Торгового порта. Капитан и машинист набирались из отставных флотских. Языком общения команды и обслуживающего персонала был русский, который вызывал у финляндцев сложности в произношении, за что их любила дразнить русская публика: «Тихий кот», «Перет!», «Садный кот!» [19, с. 93]. Финское предприятие пользовалось спросом и было довольно популярным среди горожан: общее количество судов росло, пассажиропоток за год составлял около 10 миллионов человек, а в 1896 году удобные пароходики появились и на Волге, в Нижнем Новгороде, где их долгое время называли «финляндчиками» [41, с. 34]. В этом же 1896 году Гаартман выступил с предложением организации пароходного сообщения между Ялтой, Севастополем и Феодосией, которое не встретило возражений [34, л. 2]. Высокий статус, надежность и профессионализм финской пароходной компании были также отмечены на официальных мероприятиях империи – члены Первой государственной думы после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 года отправились по Неве к Гаврическому дворцу на маленьких финских пароходиках, поданных к царской пристани [27, с. 339].

Не обходилось предприятие и без некоторых конфликтов с конкурентами. Так, в августе 1888 года арендатор яличных перевозок через Большую Неву, отставной рядовой и временный Петербургский 2-ой гильдии купец, Р.Е. Еремеев обратился в городскую думу с просьбой о воспреещении «Обществу Финляндского легкого пароходства» производить пассажирское сообщение через Б. Неву, так как он несет большие убытки [48, л. 1–1об.]. Таких жалоб от Еремеева поступало несколько, однако город посчитал их безосновательными, и все они были отклонены. При этом городские власти не всегда выступали на стороне финляндского предприятия. В апреле 1905 года «Общество Финляндских пароходов» представило коллективное прошение жителей столицы об установке пристани у Елагина острова и ходатайствовало о разрешении на её устройство [45, л. 1]. Петербургский градоначальник нашел постройку пристани нежелательной по причине того, что с установлением дешевого пароходного сообщения с островом состав гуляющей публики на нем неизбежно изменится, а значит появится необходимость в увеличении полицейских постов, что «при современной ситуации в столице невозможно» [45, л. 4об. –5].

Менее известными, но не менее масштабными были предприятия финляндского купца из Куопиосской губернии ВКФ Ивана (Иоганна) Семеновича Парвьяйнена. Дело предпринимателя из Финляндии получило развитие в начале XX века, когда в 1900 году Парвьяйнену было выдано разрешение на строительство алебастрового завода на 2-ом участке Петербургской части по ул. Бармалеевой, д. 36 [50, л. 2]. К 1901 году было получено другое свидетельство – на открытие механического завода с отделением цинкового железа во 2-ом участке Выборгской части, по Выборгской набережной, д. 15 с численностью рабочих до 360 человек. Примечательно, что второе разрешение уже было выдано на имя торгового дома «Парвьяйнен и Ко» [51, л. 1], которое финляндский купец основал вместе с коммерции советником Иоганном Вильгельмом Окерстедтом. Кроме указанных заводов, фирма «Парвьяйнен и Ко» занималась оптовой хлебной торговлей и имела торговое пароходство [53, с. 64]. Однако И.С. Парвьяйнен недолго участвовал в этом партнерстве. В 1902 году он скончался, и на общем собрании прав-

ления был выведен из состава акционеров. Управление фирмой постепенно менялось, Окерстедт также перестал принимать в нем участие, и ведение дел к 1906 году перешло к директору-распорядителю Рудольфу Виттингу и директору Отто Брунстрёму [49, л. 5], которые в 1910 году на базе заводов Парвийнена основали «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов». Финляндский след предприятия некоторое время фигурировал в названии, но к 1917 году исчез окончательно.

Обеспечивало российские военные нужды и другое финляндское предприятие – акционерное общество «В-м Крейтон и Ко». Фирма «Крейтон и Ко» базировалась в Великом княжестве Финляндском в городе Або, занималась постройкой пассажирских и буксирных судов, канонерских лодок, минных крейсеров и миноносцев [53, с. 9]. Финляндская фирма использовала современные технологии обработки металла и изготовления паровых машин, что обеспечивало получение заказов. Так, первый контракт Морского министерства с заводом В. Крейтона на постройку двух миноносцев «из самой мягкой» судостроительной стали был подписан 18 октября 1888 года [18, с. 65]. С ростом заказов было решено открыть филиал фирмы в Петербурге. В 1896 году разрешение на право «безвозмездного 35-летнего пользования бывшей Охтенской верфи с находящимися на ней зданиями» было предоставлено Морским министерством. Такая сделка была выгодна российским властям, так как отдельным пунктом прописывалось обязательство общества «капитально исправить существующие постройки и сооружения, вновь построить необходимые каменные мастерские и по окончании срока пользования безвозмездно возратить Морскому ведомству в полной исправности» [28, с. 164]. Однако «Крейтон и Ко» не стали брать на себя лишние расходы и использовали старые верфи Петербурга минимально, продолжая изготовление основных деталей в Финляндии. Например, изготовление двух паровых катеров для императора Николая II, по сведениям Морского ведомства, велось в Финляндии, и стоимость каждой единицы с полным оснащением и доставкой до Петербурга равнялась 50 тысячам рублей [32, л. 2].

Выходцы из Финляндии считались хорошими специалистами и в более изысканных производствах, а именно – в ювелирном деле. Финляндские подмастерья и мастера получали первоначальную квалификацию на родине, а затем приезжали оттачивать свое мастерство в крупные ювелирные мастерские столицы [39, с. 94]. Некоторым из них удавалось открыть свое дело. Одним из таких ювелиров стал Александр Густавович Тилландер (Александр Эдвард Тилландер). Тилландер приехал из Финляндии в Петербург в первой половине XIX века, в 1860 году основал собственную ювелирную мастерскую, которая обслуживала государственных чиновников, прима-балерин Мариинского театра, а к началу XX века получила статус поставщика Императорского двора [52, с. 19]. Кроме мастерской золотых и серебряных вещей, Тилландер также содержал богато обставленный ювелирный магазин, который располагался в престижных местах Петербурга – сначала на Большой Морской [52, с. 39], а с 1911 года – на Невском проспекте [5, стб. 1479]. Успехом у покупателей пользовались украшения в виде животных, цветов, букетов из цветных камней, а также пасхальные яйца в стиле Фаберже. Примечательно, что вывеска магазина дублировалась на русский, немецкий и французский языки, принадлежность к Великому княжеству Финляндскому не афишировалась. Однако семья Тилландер не забывала своих земляков в столичном городе: через пожертвования для лютеранской (шведской) церкви Св. Екатерины они оказывали помощь нуждавшимся [52, с. 24]. Кроме материальных связей с финляндскими уроженцами, сохранялись и духовные. Интересен эпизод празднования 50-тилетнего юбилея фирмы в 1910 году, проходившем в Зимнем саду гостиницы «Европейская»: на нем выступал хор, который исполнял песни на шведском, финском, датском и немецком языках, а по-русски не пелось ни одной песни [52, с. 25].

В начале XX века семейный бизнес перешел к Александру Тилландеру-младшему, которому пришлось столкнуться с трудностями на фоне изменившейся общественно-политической ситуации. Несмотря на увеличивавшийся спрос, производственный потенциал фирмы сильно ослаб – сотрудники требовали сокращения рабочего дня, многие ювелиры уезжали в Финляндию, случались и кражи драгоценных изделий. Все эти факторы привели к закрытию фирмы накануне революции 1917 года, а сама семья Тилландер из Петрограда переехала в Финляндию [52, с. 27].

Указанные предприятия являются примерами крупных структур с большим количеством рабочих и весомыми капиталами, которые были известны за пределами локального финно-шведского сообщества. Представители среднего и мелкого производства не выполняли крупных общественных задач, и их предприятия были менее узнаваемы, однако они занимали другую важную нишу – оказывали разнообразные бытовые услуги жителям города. Чаще всего это было значительное количество маленьких магазинов, контор или лавок, историческая судьба которых прослеживается сложнее.

Например, среди таких финляндских фирм можно выделить швейные мастерские Карла Густавовича Суомина и Андрея Андреевича Лютикяйнена, располагавшиеся в центре города около памятника Екатерины II на Невском проспекте и на углу Большой Морской и Кирпичного переулка соответственно [53, с. 5]. Обувной магазин и мастерскую в приходском доме финской церкви св. Марии по Большой Конюшенной № 6-8 содержал другой уроженец ВКФ, Абрам Адамович Сиканен. Его фирма существовала с 1875 года, а сам Сиканен был награжден министерством финансов серебряной медалью за трудолюбие и искусство [53, с. 23]. Встречаются уроженцы Финляндии и в торговле продуктами и выпечкой, содержании слесарных мастерских, контор для торговых посредников и ренсковых погребов [53, с. 4], где можно было приобретать алкогольные напитки на любой вкус.

Таким образом, рассмотрение финляндских предприятий позволяет выявить элементы коммуникации их владельцев с обществом Петербурга. Имперские и городские власти не препятствовали и даже способствовали развитию подобных предприятий. Это подтверждается примерами фирм «Парвиайнен и Ко» и «Крейтон и Ко», получившими разрешения на открытие заводов. Властям было выгодно сотрудничество с этими компаниями, так как они обеспечивали выполнение казенных заказов, привлекали капитал и внедряли новые технологии. Удовлетворяли финляндские компании и растущий спрос петербуржцев на определенные услуги. Так, новую главу в перевозках открыло «Общество Финляндского пароходства» Гаартмана, распространив их не только на столицу империи, но и на ряд других городов (Нижний Новгород, Ялта, Севастополь).

Фирмы выходцев из ВКФ задавали высокую планку, служили некоторым примером для конкурирующих предприятий и имели хорошую репутацию в городе. Скорее всего, такая ситуация сложилась не без влияния общественных настроений публики, которая зачастую считала товары и услуги нероссийского производства более качественными, чем отечественные. При этом вклад в военные сферы российской промышленности действительно был не малым: «Крейтон и Ко» построил около 15% российского минного флота на Балтике [18, с. 70], а элементы производства «Парвиайнен и Ко» продолжили свое существование под именем Ленинградского механического завода им. Карла Либкнехта, функционирующим до сих пор.

Для самих предпринимателей из Финляндии их производственная деятельность, помимо получения прибыли, помогала им сохранять связи со своими земляками и другими иностранными подданными, с которыми им удавалось общаться в процессе работы. Такие контакты облегчали процесс адаптации в чужом городе, а также в какой-то мере поддерживали домашние привычки и нравы [17, с. 10]. При этом предприятия финляндских уроженцев являлись частью жизни Петербурга и были ориентированы на потребности его жителей, которые охотно впитывали разнообразные новшества и привнесенные извне элементы.

Финляндские объединения

Финляндские общества Петербурга конца XIX – начала XX века были достаточно разнообразными: они состояли из обществ трезвости, различных спортивных объединений, благотворительных обществ и других организаций при финском церковном приходе. Рост количества финляндских объединений отражал общую тенденцию увеличения подобных организаций в России и по миру в целом. Такие общественные ассоциации и союзы занимали важное место в структуре городов, так как «они все в большей степени определяли лицо локального городского общества» [43, с. 90].

Одним из самых ранних и крупных по численности являлось финское общество трезвости «Алку» («Алку»). Общество появилось в Петербурге в 1885 году, а его устав был утвержден 7 марта 1887 года товарищем министра внутренних дел Российской империи [46, л. 3]. Основная цель общества заключалась в противодействии чрезмерному употреблению всяких опьяняющих напитков среди финляндских уроженцев, проживающих в Петербурге и Петербургской губернии. Средствами борьбы с этим пороком избиралось распространение и чтение книг нравственного и побуждающего к трезвости содержания, устройство народных чтений и бесед о трезвости, устройство гостиниц без крепких напитков, устройство читален и лечебниц [46, л. 3об.–4]. Многим финляндцам Петербурга и его окрестностей цели общества пришлось по душе, о чем свидетельствовали цифры регистрации членов общества: с 1887 по 1898 год в обществе числилось 1307 членов [33, л. 146], с дальнейшим приростом около 200 человек в год. Состав членов был разнообразным и включал литейщиков, швейных мастеров, рабочих, поваров и многих других. Кроме того, в общество вступали и женщины [33, л. 29].

Разросшееся общество трезвости имело свое отделение в пригороде Петербурга (участок Лесной), библиотеку на 230 томов [4, стб. 1014], а также свой певческий и музыкальный хоры [5, стб. 1025]. Одним из основателей, а потом и руководителем (более 15 лет) являлся уже упоминавшийся Карл Густавович Суоминен, мастер портного цеха и владелец швейной мастерской [46, л. 8]. Среди активных членов общества также числился портной Андрей Андреевич Лютикайнен.

В целом, пример «Алку» был заразителен – к 1891 году начало действовать общество трезвости «Инкери» («Inkeri»), которое ставило себе схожие цели, только основные действия были направлены на финские приходы Петербургской губернии [42, с. 3]. Существовали и другие национальные общества трезвости Петербурга, например, эстонское общество трезвости «Верность» («Ustavus»), первое упоминание о котором встречается в 1896 году.

Множество финляндских объединений были открыты при лютеранской церкви св. Марии, которая играла в жизни выходцев из ВКФ немалую роль – среди общего количества протестантов Петербурга финляндцы насчитывали почти 18 тысяч человек, уступая по численности только немцам (40 тысяч человек) [37, с. 152–153]. Церковный лютеранский приход св. Марии являлся своеобразным социальным центром для приезжих из Финляндии, включая не только церковь, но и школы для детей, финский книжный магазин, контору финляндского банка, кассу взаимопомощи и другое [54, С. 314]. Финляндские школы давали начальное образование: первые 3 года были подготовительными, затем следовало еще 3 года высшей школы, которую представляло главное училище финской церкви св. Марии на Большой Конюшенной. Высшая школа предлагала более сложные для изучения предметы: в 5 классе главного училища финской церкви изучали русский, финский, шведский, немецкий языки, алгебру и историю [44, л. 5об.–6]. Школы располагались в определенной близости от мест концентрации финляндского населения: одна из них находилась недалеко от прихода, на Мещанской улице (современная Гражданская), а две других в районе Финляндского вокзала – на Оренбургской улице и Полкостровской набережной [4, стб. 503] (современная Свердловская набережная). При этом существовали финские школы и при лютеранских приходах в окрестностях Петербурга – в Лахте, Лемболове, Мустолове, Старожиловке и других местах [29, с. 42]. Вместе со школами в финских лютеранских приходах Петербурга и его окрестностях образованию содействовали книжные магазины, лавки и библиотеки, в которых можно было найти книги и журналы на финском языке.

При приходе также велась благотворительная деятельность, руководил которой главный пастор Адольф Матвеевич Хаккарайнен, а почетным патроном был государственный чиновник, министр статс-секретарь ВКФ, Август Федорович Лангоф. Финский приход содержал богадельню [30], а также детский приют для мальчиков в деревне Старожиловка (ст. Парголово), которым ведала Матильда Хаккарайнен, жена пастора [4, стб. 1004]. Примечательно, что вся семья Хаккарайнен служила на благо Финляндии: Адольф и Матильда были заняты делами прихода и благотворительного общества при нем, а их сын, Рафаэль, трудился старшим секретарем, а позже переводчиком в финляндской Е.И.В. канцелярии [4, стб. 800].

В целом, в Петербурге рубежа XIX – XX веков была распространена деятельность различных локальных обществ помощи, так как это являлось определенной связующей нитью приезжих с земляками. Например, поддержку оказывали и по региональному признаку – переселенцам из Костромы, Самарской губернии и т.д., и по национальному – приезжим немцам, эстонцам, шведам и многим другим. Интересно, что в скандинавском (шведском) благотворительном обществе вице-председателем являлся Александр Тилландер-старший [4, стб. 746], вероятно больше ассоциировавший себя с финляндскими шведами.

Не были чужды финляндцы и спорту, который особенно набрал силу к началу XX века. Одним из ярких проявлений спортивного интереса стало основание в 1893 году Петербургского финского гимнастического общества. По уставу, утвержденному в 1901 году министром внутренних дел Российской империи, финское гимнастическое общество «учреждалось с целью способствовать развитию и поддержанию в здешних финнах стремления ко всякого рода гимнастическим упражнениям и спорту» [47, л. 34 об.]. Для достижения этих целей финское гимнастическое общество проводило упражнения в гимнастике и спорте, устраивало чтения и беседы по названным предметам, проводило для своих членов катания на коньках, лыжах, лодках, организовывало состязания, спектакли и вечера. В общество допускались лица, достигшие 15-летнего возраста и уплатившие годовой взнос в размере 20 рублей; женщины также могли быть членами этого общества.

Хотя численно финское спортивное общество не могло сравниться с «Алку» (к 1908 году в нем состояло около 60 членов [4, стб. 1020]), оно было достаточно активным и известным среди других спортивных обществ города. Так, в августе 1915 года финское гимнастическое общество провело открытое состязание по легкой атлетике на поле спортклуба «Унитас». Проводились соревнования по бегу, метанию ядра и по прыжкам в длину, где финляндцы поделили призовые места с петербуржцами [11]. Постоянным финляндским участником являлся спортсмен Вернер Парвайянен, который также являлся председателем Петербургского финского гимнастического общества в 1916 году. Кроме того, он являлся владельцем чугунолитейного завода в Полюстрово, однако не имел родственных связей с уже упомянутым Иваном (Иоганном) Семеновичем Парвайяненом и был его однофамильцем.

Схожее спортивное финское гимнастическое общество пытались учредить в марте 1905 года в селении Шувалово Петербургского уезда финляндские уроженцы с целью популяризации спорта. Организаторами общества выступали сотрудники финляндской железной дороги, уроженцы Выборгской губернии, А. Шеблом и И. Эклев, а также уроженец Гельсингфорса Ф. Шмидт, занимавшийся сапожным делом [47, л. 6]. Несмотря на положительные отзывы об учредителях и отсутствие препятствий со стороны полиции, рассмотрение дела достаточно затянулось. К концу 1906 года открытие общества перестало быть актуальным, так как двое из его учредителей, Шеблом и Эклев, были назначены по делам службы в разные пункты железной дороги, а вслед за ними отказался Шмидт [47, л. 20об.]. Возможно, подобная тактика затягивания была задумана уездными властями намеренно, однако это может быть только предположением, потому что других подобных случаев в отношении финляндских объединений не встречалось.

В целом, интерес к спорту активизировался в преддверии летних Олимпийских Игр 1912 года, проходивших в Стокгольме. Примечательно, что сборная Финляндии на Олимпиаде была представлена отдельно от Российской империи, хотя законодательно являлась ее частью [6]. Подробное изложение ситуации приводится в очерке Г.А. Дюперрона, активного сторонника спорта и олимпийского движения в России.

Еще в 1896 году для определения участников в регламент Олимпийских Игр было введено понятие «нация», под которым понималась страна, имевшая своего представителя в МОК или та страна, которая на последних Играх уже была признана за «нацию» [40, с. 366]. В МОК была представлена только Россия, а Финляндия своего представителя не имела, значит принимать участие в Играх не могла. Положение изменилось, когда в 1908 году из состава представителей от России был выведен князь Сергей Белосельский-Белозерский, и заменен бароном Виллебрандтом, финляндцем, для облегчения отношений с ВКФ. «Постепенно при фамилии Виллебрандта

в официальных изданиях МОК стала появляться отметка *Finlande*, а затем и уже Финляндия появилась в качестве самостоятельной «поднации» со своим представителем» [40, с. 466], – сообщил Дюперрон. Историк И.Н. Новикова приводит другие сведения о начале складывания финляндского олимпийского спорта. По ее мнению, успехи финляндцев на Внеочердной афинской Олимпиаде 1906 года [2, с. 200] стали причиной того, что МОК поставил вопрос о введении в его состав финляндских представителей, которым и стал Виллебрандт [26, с. 145].

Окончательно с таким положением вещей пришлось считаться, когда на Олимпиаде в Лондоне в 1908 году Финляндия выступила самостоятельно, а официальных представителей от России не было. При этом сложившаяся ситуация не виделась Дюперрону ненормальной – наоборот он находил это правильным, так как финляндский спорт развивался сам и был во многих областях сильнее российского.

В сравнении с финнами сборная Россия выступила на Играх в Стокгольме скромно, завоевав 5 медалей (16 место в общем зачете) против 26 финских (4 место). Такая ситуация заставила обратить внимание на спортивную сферу: «В то время как финляндцы заняли одно из первых мест на Олимпиаде, мы, к своему стыду, оказались далеко в хвосте. В некоторых видах спорта мы вообще не имели представителей, где-то потерпели фиаско, в других не послали лучших представителей. Надо признаться, что до последнего момента спортом в России совершенно не интересовались» [7]. Для получения соревновательной практики Россия решила проводить свои внутренние спортивные Олимпиады, которые состоялись в 1913 году в Киеве и в 1914 году в Риге. Кроме того, предлагалось использовать опыт иностранных спортсменов, которые часто приводились в пример: «Английские и шведские бойскауты совершенствуются на свежем воздухе, в этом направлении пошла и Финляндия. Они усиленно занимаются всяким спортом не только в городах, но и деревнях, где через каждые 5-6 верст вы встретите народный дом со всеми возможными гимнастическими упражнениями» [7].

Успех финляндцев в олимпийском движении повысил их престиж в глазах столичных спортивных организаций, которые стали все чаще приглашать финляндцев на совместные турниры. Соревнования русских и финских команд проводились в Петербурге и на территории Финляндии, в Выборге и Гельсингфорсе, охватывая различные виды спорта – хоккей, футбол, конькобежный спорт и легкую атлетику. Заинтересованность в таких состязаниях прослеживалась и со стороны спортивных обозревателей, тщательно следивших за анонсами и результатами каждой встречи [8; 15].

Финляндцы считались серьезными соперниками и периодически одерживали победу над российскими командами: «Вчера в Петрограде играла выборгская команда “Камратерна”. Матч с гостями являлся реваншем лучшей петроградской команды “Невы” за поражение, нанесенное выборжцами ранее в этом году» [9]. О профессионализме финских спортсменов также вспоминал известный российский и советский лыжник Николай Максимович Васильев, который в 1913 году стал чемпионом России, но в этом же году в Петербурге проиграл на других соревнованиях финнам – братьям Ниска и Сантери Тазе. Васильев тогда же впервые увидел финскую технику бега и мази для лыж, обнажившим недостатки русского лыжного спорта [3].

Некоторые соревнования между русскими и финскими клубами описывались прессой как международные: в сентябре 1912 года в Петербурге прошел международный футбольный матч Россия – Финляндия, где Россию представлял Петербургский кружок любителей спорта, а за финскую сторону выступало выборгское спортивное общество «Рейпас» [35]. Такой же статус был присвоен состязаниям по конькобежному спорту в 1915 [24] и 1916 годах [12], прошедшим в Выборге. Примечательно, что единых положений о статусе финских команд в Российской империи не было, правила каждого турнира устанавливались организаторами самостоятельно.

Так, обновился регламент и в Кубке национального первенства по конькобежному спорту, проходившем в Петрограде в феврале 1916 года, где не допускалось участие иностранных спортсменов. Для того, чтобы обойти это условие, в состязание национального первенства был включен кубок А.Я. Щитова, который разрешал участие иностранных конькобежцев, дав «возможность сравнить силы финских конькобежцев с нашими» [13]. Схожая ситуация сложилась

вокруг Кубка «Вечернего времени» по легкой атлетике, который проводился в сентябре 1916 года в столице империи. В регламенте прописывалось, что «к участию допускаются исключительно русские спортивные организации, входящие в число членов всероссийского союза легкой атлетики» [14]. При этом одними из судей этого соревнования были финляндец Вернен Парвиайнен и легкоатлет Павел (Пауль) Иванович Лидваль, который вырос в семье выходца из Швеции, известного петербургского портного.

Таким образом, к 1910-м годам сфера спорта стала в какой-то мере новой вехой в русско-финских отношениях. Именно в этой области длительное стремление финляндцев к самостоятельности раньше всех дало плоды и выразилось в обособленности команды ВКФ на Олимпийских Играх 1908 и 1912 годов. Такое положение постепенно охватывало и уровень локальных соревнований, где спортсмены и команды из Финляндии приобретали новый статус иностранцев и не могли участвовать во внутренних состязаниях Российской империи. При этом финляндцы Петербурга и их спортивные объединения не воспринимались в столице чуждыми – они выступали организаторами общих соревнований, развивали городской спорт, а также могли входить в состав русских команд [10].

Заключение

Анализ финляндских предприятий и объединений в Петербурге рубежа XIX – XX веков позволил выявить некоторые параллельные процессы в городской среде. С одной стороны, финляндское население Петербурга представлялось достаточно замкнутым сообществом, которое имело свои школы для детей, книги и журналы на финском языке, разнообразные спортивные, духовные объединения и многое другое. В пользу узости этого национального общества говорит факт повторяющихся финляндских имен, которые могли возглавлять сразу несколько организаций – владельцы заводов или мастерских также являлись председателями и активными участниками разных финляндских обществ (Карл Суоминен, Андрей Лютикайнен, Вернер Парвиайнен), а члены одной семьи могли трудиться в нескольких сферах на пользу Финляндии (Хаккарайнен). Многие предприятия, связанные с финляндцами и Финляндией, независимо от их значения (крупная фабрика или спортивный кружок), облегчали приезжим из ВКФ восприятие большого столичного города, в котором они уже были не одни.

В то же время финляндцы из высших и средних слоев, скорее, имели более гибкие границы общения, так как им чаще приходилось устанавливать контакт с русским населением, на которое были ориентированы их предприятия. Проживание в столичном мегаполисе отражало уникальную ситуацию: город накладывал свой отпечаток столичного ритма жизни, давал новые профессиональные возможности, но при этом не мешал и даже сохранял проявление собственных национальных и культурных традиций для приезжих. Скорее, пример финляндцев столицы отражал сосуществование нескольких идентичностей – и финляндских подданных и петербургских жителей одновременно, которые чаще всего спокойно сочетались.

Библиография

1. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т. 1. Кн. 2. 709 с.
2. Большая олимпийская энциклопедия. М.: Олимпия Пресс, 2006. Т. 1. 784 с.
3. Васильев Н.М. Воспоминания. Как я проиграл финнам. // Физкультура и спорт. 1935. № 2.
4. Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1908. 988 с.
5. Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год. Петроград: издание Т-ва А.С. Суворина, 1916. 924 с.
6. Вечернее время. 1912. № 165.
7. Вечернее время. 1912. № 190.
8. Вечернее время. 1913. № 445.
9. Вечернее время. 1915. № 1045.
10. Вечернее время. 1915. № 1205.

11. Вечернее время. 1915. № 1221.
12. Вечернее время. 1916. № 1391.
13. Вечернее время. 1916. № 1395.
14. Вечернее время. 1916. № 1600.
15. Вечернее время. 1917. № 1762.
16. Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.
17. Вишняков-Вишневецкий К. Иностранцы в промышленной жизни Санкт-Петербурга во второй половине XIX века. СПб.: СПБИГО, 2008. 168 с.
18. Грибовский В.Ю. Финляндские верфи – морскому флоту. // Военно-исторический журнал. М., 2019. №7. С. 61–70.
19. Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб.: Российский Институт Истории Искусств, 2005. 280 с.
20. Грэнхаген К.Б. Спутник по Финляндии 1899-1914. СПб., 1914. 478 с.
21. Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 480 с.
22. Домбровский Ф.В. Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896. 426 с.
23. Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Л.: Лениздат, 1991. 271 с.
24. К спорту! 1915. № 10.
25. Мусаев В.И. Финляндское Речное пароходство в Санкт-Петербурге. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2009. С. 110–115.
26. Новикова И.Н. Россия и участие Великого княжества Финляндского в олимпийском движении в начале XX в. // Новейшая история России. СПб., 2018. Т.1. С. 142–164.
27. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж: YMCA-Press, 1988. 754 с.
28. Отчет по морскому ведомству за 1894-1896 года. СПб., 1898. 253 с.
29. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1900 г. СПб: С-Петербургская губернская типография, 1900. Ч. 2. 343 с.
30. Петербургский листок. 1899. № 178.
31. Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Старый милый Петербург. СПб.: Гиперион, 2007. 288 с.
32. РГИА. Ф. 1276 Оп. 3 Д. 972.
33. РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 129.
34. РГИА. Ф. 95 Оп. 3 Д. 408.
35. Русский спорт. 1912. № 38.
36. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб.: Типография Шредера, 1891-1892. Ч. 1. 93 с.
37. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб.: Типография Шредера, 1903-1905. Вып.1. 201 с.
38. Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб.: Гиперион, 2008. 125 с.
39. Скурлов В.В. Михаил Евлампиевич Перхин, мастер-ювелир фирмы «Фаберже» // Личность в истории Петербурга. СПб.: Европейский дом, 2012. С. 91–97.
40. Суник А.Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX-XX веков. М.: Советский спорт, 2004. 764 с.

41. Тарасов Л.К. От расшивы до крылатых кораблей: Путеводитель по музею речного флота. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. 96 с.
42. Устав общества сореvнователей трезвости «Инкери». СПб., 1891. 29 с.
43. Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. М.: НЛЮ, 2017. 192 с.
44. ЦГИА СПб. Ф. 168. Оп. 1. Д. 1.
45. ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 5. Д. 46.
46. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 8676.
47. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 9456.
48. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4734.
49. ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 21.
50. ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 6.
51. ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 7.
52. Шрадер Т.А. Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт-Петербурге (XIX – начало XX в). // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: РХГА, 2010. С. 19–28.
53. Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1903. Ч. 1–3. 428 с.
54. Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2005. 470 с.
55. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX-начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, 1984. 223 с.

FINNISH COMPANIES AND SOCIETIES OF ST. PETERSBURG AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Norenkova I.D.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article analyzes the place of visiting Finns in the structure of the capital St. Petersburg at the end of the 19th – beginning of the 20th century. This situation of immigrants from the Grand Duchy of Finland is illustrated by the example of various Finnish enterprises in the capital: mechanical factories, transport companies, small trade and the sphere of personal services. Finnish companies occupied a certain niche in the economic and everyday life of the capital, satisfying the growing demand of residents for a variety of goods and services. At the same time, the enterprises were not aimed only at the Finnish population, they focused on the needs of all people, for example, the “Finnish Light Shipping Company” transported hundreds and even thousands of city residents every day, regardless of their nationality. The study also paid attention to the Finnish societies of St. Petersburg, which founded the way of life of visitors: sobriety societies, charitable societies at the Lutheran Finnish parish and sports clubs. It was sport at the beginning of the 20th century that opened a new stage in Russian-Finnish relations, where the Finns began to be perceived as an independent nation. It is noteworthy that Finnish sports associations were not perceived as strangers in the capital - they were the organizers of general competitions, thereby contributing to the development of urban sports.

Key words: St. Petersburg, Finnish people, urban community, Russian-Finnish relations.